

А. Т. Гумерова

О дореволюционных церковно-певческих переводах для удмуртов

Аннотация

Статья посвящена важнейшей части музыкальной культуры удмуртов — практике православного пения на родном языке. Объектом внимания впервые становятся дореволюционные сборники церковных песнопений, анализ которых позволяет выявить ряд особенностей певческой традиции.

Ключевые слова: удмурты, вотяки, церковное пение, церковные песнопения, церковно-певческие сборники, С. Смоленский.

А. Т. Gumerova

On pre-revolutionary Church-singing translations for Udmurts

Summary

An important part of the Udmurt people's spiritual culture is Church singing in their native language. This component of the Orthodox musical world has not yet been the subject of special musicological research. The article is devoted to the initial stage of the history of Orthodox singing by Udmurts, covering the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. The focus is given to the most important sources (pre-revolutionary Church singing collections in the Udmurt language), the analysis of which reveals a number of features of this musical practice. In particular, such issues as the singing repertoire, the degree of identity of Udmurt translations to Church Slavonic original samples are revealed.

Keywords: Udmurts, Votyaks, Church singing, Church hymns, Church-singing collections, S. Smolensky.

Вторая половина XIX — начало XX века — период, сыгравший особую роль в истории церковного пения народов Поволжья — кряшен, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы. В это время, в рамках активной миссионерской деятельности Русской православной церкви, проводилась планомерная работа по приобщению новокрещен к церковной жизни. Одной из действенных мер признавалось повсеместное распространение практики богослужебного пения на родных языках «инородцев»¹.

С целью языковой адаптации религиозной литературы в 1876 году в Казани была создана специальная Переводческая комиссия, одним из направлений деятельности которой стала подготовка церковно-певческих сборников для нерусских народов Поволжья.

В первую очередь были переведены песнопения для татар-кряшен. Связано это было, во-первых, с непосредственной близостью мест их проживания к Казани; во-вторых, особым интересом главного идеолога и организатора этой кампании — Н. И. Ильминского (1822–1891) — к татарскому языку². Сборник церковных песнопений для татар-кряшен представлял собой первый музыкально-переводческий опыт, на который впоследствии ориентировались члены комиссии при языковой адаптации богослужебной литературы для других народов³.

Издание с песнопениями на удмуртском языке появилось в 1886 году⁴. Данный перевод включал в себя словесные тексты важнейших служб православной церкви — Всенощного бдения и Литургии. Несмотря на заголовок, указывающий на поемую часть, в книге приведены также слова священнослужителей — диакона и священника (за исключением тайных молитв). Таким образом, интонируемые молитвословия представлены как часть чинопоследования; изложены в порядке, согласно уставу проведения богослужебного ритуала. Эти характеристики по-

зволяют предположить, что данное издание могло быть предназначено для применения в церковной практике — во время богослужений.

Тексты песнопений представлены в двуязычном формате: параллельно друг другу помещены церковно-славянский и удмуртский варианты. Такая компоновка материала была достаточно характерной для первых удмуртских переводов [7]. Ко времени выхода в печать рассматриваемого сборника, указ, разрешающий проведение богослужений на языках нерусских народов, действовал не так давно (с 1883 г.); священнослужителей, владеющих удмуртским языком, на тот момент было мало (первая национальная школа, благодаря деятельности которой появились удмуртские учителя-миссионеры и будущие служители церкви, была открыта лишь в 1883 году⁵). В таких условиях двуязычное изложение богослужебных текстов значительно облегчало задачу священников и клира, не владеющих удмуртским языком, — позволяло быстро сориентироваться в тексте, соотнести «вотский» текст с привычным и знакомым церковно-славянским содержанием службы.

Первый нотированный сборник церковных песнопений, подготовленный для удмуртов, датирован 1894 годом. Ценность его в том, что это единственный в своём роде сохранившийся на сегодняшний день источник, по которому можно получить представление о дореволюционном церковном пении удмуртов с музыкальной точки зрения.

В сборнике нет членения на какие-то разделы, но свод песнопений можно распределить на несколько групп. Открывают сборник наиболее известные богослужебные песнопения. Это молитвы, входящие в состав так называемого «обычного начала» — последовательности начальных священных слов многих служб. Среди них — «Царю небесный», «Трисвятое», «Отче наш», включённые в сборник. Кроме того, обнаруживаемые такие употребительные молитвословия, как

Ектения, «Богородице Дево», «Символ веры». Далее помещены молитвы трапезы — «Очи всех», «Благодарим Тя Христе». Надо сказать, что эти тексты включались и в учебные пособия для удмуртских детей, к примеру, в букварь В.А. Ислентьева [6]⁶. Завершает сборник целый ряд тропарей и кондаков важнейших православных праздников — Пасхи, Воздвижения Креста Господня, Рождества Христова, Крещения Христова.

Таким образом, в издание вошли образцы, звучащие как во время службы в Церкви, так и за её пределами, в условиях домашнего бытования. Можно предположить, что эти ноты были предназначены для применения в школьном обучении. Судя по перечню песнопений сборник мог быть адресован учащимся младшего отделения удмуртских национальных школ. В этих учебных заведениях, занимающихся по «системе Ильминского», церковное пение занимало особое важное место⁷. Если взглянуть на программу по пению, мы обнаружим, что в младшем отделении она включала разучивание «молитв, избранных мест Литургии, Всенощного бдения... по-инородчески», в то время как в старших классах исполнялось полное музыкальное оформление Литургии и остальных служб православной церкви [1. С. 361]. Таким образом, по своему содержанию удмуртский сборник 1894 года вполне соответствовал действовавшему на момент его печати учебному плану «инородческих» школ.

Отдельно следует отметить использование в сборнике цифирной нотации. Эта традиция была заложена С. В. Смоленским, который ратовал за применение «цифири» в обучении новокрещен и обращался к ней в церковно-певческих сборниках для татар-крещен, чувашей, марийцев⁸. Он утверждал, что «цифирная нотация гораздо понятнее, удобнее, легче и дешевле⁹, чем пятилинейная нотная система» [15. С. 2].

Таким образом, рассматриваемый удмуртский сборник явился продолжением реализации просветительско-педагогических идей Смоленского, хотя и был издан уже после его

отъезда из Казани¹⁰. Это подтверждается не только особенностями используемой нотации, но и целым рядом других характеристик.

Любая переводческая деятельность предполагает наличие оригинального текста, на который ориентирован новый языковой вариант. В своей музыкально-переводческой деятельности Смоленский опирался на церковно-славянские образцы песнопений, помещённые во вторую — хрестоматийную — часть его «Курса хорового церковного пения», разработанного для преподавания в Казанской учительской семинарии и включающего полный свод богослужбной музыки [15]. Рассматриваемый сборник для удмуртов также обнаруживает преемственность с «Курсом...». Даже самое поверхностное сопоставление нотных текстов одних и тех же песнопений из учебника Смоленского и «вотского» издания выявляет их идентичность: практически все переводы изложены в тех же тональностях, в том же расположении голосов, что и церковно-славянские оригиналы. Но свод напевов, положенных в основу издания 1894 года, оказался ощутимо сокращённым.

Анализ содержания удмуртского сборника позволил выявить критерии, которых придерживались его составители при выборе песнопений: они отдавали предпочтение образцам, во-первых, наиболее употребительным, во-вторых, достаточно простым для исполнения. Все молитвословия — это гармонизации обычного — обиходного — напева, для которого характерны краткость и простота строения мелодии, отсутствие длинного распевания отдельных слов или слогов, незамысловатость гармонического языка (доминирование последовательных автентических оборотов), определённо выраженная мажорная или минорная окраска. Таким образом, музыкальный материал оказался доступным самому простому составу небольшого хора, что ещё раз подтверждает наше предположение о предназначении издания для начальной школы.

Такой подход к выбору учебного репертуара в «инородческих» школах также пропагандировался Смоленским: сначала он им был

апробирован в Казанской учительской семинарии, затем в Центральной крещёно-татарской школе. Смоленский писал: «Изучение пения по ноте должно быть начато по достаточном усвоении поющими обычных церковных напевов» [15. С. 3]. Позиция музыканта была обусловлена не только фактом исполнительской «доступности» обиходного пения, но и его художественно-духовными характеристиками. Педагог-хормейстер считал, что «приучить к свободному, искреннему выражению религиозного чувства в пении богослужбном» можно лишь «воспитав учащихся на хороших примерах, доведя их до сознания красоты формы и содержания духовно-музыкальных произведений, а особенно так называемого «простого пения» [15. С. 140].

Большой интерес представляет сравнение церковно-славянских вариантов песнопений с удмуртскими переводами; это позволяет выявить принципы работы переводчиков со словесными и музыкальными текстами, определить степень соответствия «вотской» версии церковно-славянскому первоисточнику. В качестве примера с этой точки зрения рассмотрим одно из наиболее «употребительных» православных песнопений — «Трисвятое». Оно «отличается простотой вербального и музыкального текстов: словесный текст вклю-

чает троекратный повтор слова «Святой», по смыслу он понятен и доступен для каждого исполнителя, музыкальная же часть песнопения оформлена в три текст-музыкальные строки, несложные интонационно и также основанные на принципе повторности» [4. С. 33]. Сравнение нотных текстов церковно-славянского и удмуртского вариантов песнопения обнаруживает их практически полную идентичность: интонационность и гармоническое содержание сохранены, изменилась лишь тональность (вместо ми минора — ля минор), что привело к звучанию песнопения в более высокой — соответствующей диапазону детского хора — tessiture. Транспозиция могла быть связана со стремлением адаптировать нотный текст к исполнительским возможностям будущего адресата — учащихся начальной школы.

Ритмически удмуртский вариант также совпадает с церковно-славянским, дробления нот во второй и третьей строках вызваны увеличением количества слогов в словесном тексте. Обращает на себя внимание отказ в удмуртском переводе от метрической организации музыкального текста: размер 4/2, указанный в «Курсе...», здесь не выставлен, а тактовые чёрточки служат графическими знаками, членящими партитуру на текст-музыкальные строки (см. примеры 1, 2).

1 «Трисвятое» (церковно-славянский вариант)

Свя - тый Бо - же, Свя - тый креп - кий, Свя - тый бес - смерт - ный по - ми - луй нас.

2 «Трисвятое» (удмуртский вариант)

Свя - тый Ин - мар, Свя - тый Ку - жы - мо, Свя - тый Ку - лон - тэм ми - лем - лы јжеч ка - ры.

С точки зрения смыслового наполнения словесный текст «Трисвятого» — пример практически точной языковой адаптации (см. таблицу 1). Порядок слов сохранён, в третьей строке вместо слова «помилуй нас» используется «милемлы јжеч кары» («сделай нам добро/хорошо» — удм.)¹¹. Эти фразы близки по смыслу, но не в полной мере идентичны. Причины такого переизлагания могли быть связаны с тем, что переводчики не нашли точно подходящий эквивалент в удмуртском языке¹² или же сознательно упростили содержание молитвы, сделали его понятным для учеников, стоящих на начале пути христианского просвещения.

Таблица 1

Удмуртский вариант ¹³	Перевод на русский язык	Церковно-славянский вариант
Святый Ијмар, Святый Кузьмо, Святый Кулонтэм, милемлы јжеч кары.	Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмерт- ный, сделай нам добро/ хорошо.	Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмерт- ный, помилуй нас.

Подытоживая, следует сказать, что удмуртский вариант «Трисвятого» практически точно совпадает с церковно-славянским как по словесному, так и по музыкальному содержанию. Такой — достаточно бережный — подход к тексту характерен для всех образцов из рассматриваемого сборника. В этом смысле работа переводчиков точно следовала указаниям Ильминского, который требовал, чтобы песнопения были узнаваемы на слух.

Следует отметить и следующее: несмотря на то, что удмуртский сборник был напечатан после отъезда Смоленского в Москву и, видимо, без его личного участия (на это указывают его записи в дневнике¹⁴), можно с уверенностью констатировать, что при подготовке данного издания был учтён его опыт и продолжены все те традиции церковно-певческой переводческой работы, которые были заложены «музыкальным миссионером» Поволжья¹⁵.

Изучение различных дореволюционных источников и поиски в фондах крупнейших библиотек России на данный момент не выявили других дореволюционных церковно-певческих

изданий на удмуртском языке. В епархиальной документации встречаются сведения о нескольких «вотских» переводах, но нами они не были обнаружены¹⁶.

На основе проделанного обзора можем заключить, что вторая половина XIX — начало XX века явились важным периодом в истории церковного пения удмуртского народа. Именно в это время возникли первые образцы песнопений с переводными текстами, появились первые издания. Знакомство с нотными образцами даёт нам важные сведения, с одной стороны, о принципах деятельности переводчиков, с другой, — о музыкальных характеристиках дореволюционного церковного пения удмуртов. В частности, можно утверждать, что на начальном этапе их православно-певческого просвещения миссионерами были предложены обиходные напевы — простые, незамысловатые, в которых главенствует Слово. Именно образцы «обычного пения» могли достаточно быстро проникнуть и закрепиться в певческой памяти народа, приобщить его к практике православного пения¹⁷. При взгляде на ситуацию с исторической дистанции становится понятно, что это был правильный путь: уже через менее чем два десятка лет произойдёт идеологический «переворот» и начнётся советский период истории России; молодая певческая практика окажется под угрозой исчезновения. Но несложные напевы молитв за короткий срок «успели» закрепиться в памяти народа: об этом, в частности, свидетельствуют материалы этнографических экспедиций 1980–2000 годов, зафиксированные И. М. Нуриевой [11. С. 302].

Традиция православного пения на удмуртском языке жива и в настоящее время. На территории Удмуртии и Татарстана действуют удмуртские приходы, в которых проходят богослужения на родном языке. Кроме того, ведётся активная работа по переводу и изданию песнопений с адаптированными текстами. Изучение современной практики представляется одним из актуальных направлений музыковедения. На основе фиксации живой практики, анализа нотных источников можно значительно расши-

ритель представления о музыкальной культуре удмуртского народа и репрезентировать одну из региональных традиций православного церковного пения.

Примечания

- ¹ Внедрение практики православного пения происходило по двум направлениям: 1) через обучение детей церковному пению на родных языках в миссионерских школах, в программе которых музыке уделялось особое внимание; 2) через внедрение национальных богослужений во все «инородческие» приходы.
- ² Н. Ильминский сам в совершенстве владел татарским языком и на первых порах собственноручно проверял и редактировал все переводы для татар-кряшен, в том числе переводы текстов песнопений [5].
- ³ По дате печати первым оказался сборник «Хоровые церковные песнопения на чувашском языке» (Казань, 1887), но «переводческий метод» Ильминского первоначально был апробирован на богослужебных текстах для татар-кряшен [5]. Это касалось не только песнопений, но и всей переводческой литературы. Как пишет А. Колчерин, «Переводы на кряшенский язык стали основой для прочих переводов, были использованы уже выработанные и апробированные библейская и литургическая терминологии» [8. С. 88]. На примере удмуртских изданий на это же указывает А. Б. Камитова: «В процессе перевода на удмуртский язык переводчики обращались непосредственно к крещёно-татарским переводам, а не к русским оригиналам» [7. С. 102].
- ⁴ В ряде работ Н. И. Ильминский описывает свой личный опыт применения такого подхода и рекомендует его переводчикам: «Занимаясь, для опыта, переложением на языки чувашский, вотяцкий и черемисский, я заметил большое сходство внутреннего значения форм и синтаксического построения в этих языках с татарским. Знание татарского языка значительно облегчало мне это переложение: диктуя своим инородческим сотрудникам переводимый или излагаемый текст по-русски, я старался формулировать его по возможности на татарский лад, и оказывалось, что наиболее характеристичные татарские обороты, которыми татарский язык резко отличается от русского языка, всегда почти буквально передавались на другие инородческие языки. Грамотные чуваша и вотяки, знающие хорошо татарский язык, свободно перелагали наши крещёно-татарские переводы на свои родные языки, держась буквально того же изложения, но прямо с русского языка переводить они были бы не в состоянии» [5. С. 18–19].
- ⁵ Песнопения всенощного бдения и божественной литургии на вотском языке. Казань: Православное миссионерское общество, 1886. 132 с.
- ⁶ Имеется в виду Карлыганская вотская школа, её успехи стали в дальнейшем толчком к организации таких заведений во многих удмуртских деревнях.
- ⁷ Молитвенные тексты являлись обязательной частью учебной литературы этого времени: они служили материалом для чтения, заучивания.
- ⁸ Подробнее о роли церковного пения в миссионерских учебных заведениях, работающих по «системе Ильминского» можно ознакомиться в ряде публикаций автора, см., например: [3].
- ⁹ О деятельности С. В. Смоленского, связанной с подготовкой песнопений-переводов для этих народов, см. в работах А. Л. Маклыгина [9; 10], А. Т. Гумеровой [2].
- ¹⁰ Имеется в виду с точки зрения редакционно-типографских затрат.
- ¹¹ Напомним, что С. В. Смоленский в 1889 году переезжает из Казани в Москву, где занимает пост директора Московского Синодального училища.
- ¹² Дословный перевод удмуртских текстов на русский язык сделан А. В. Камитовой.
- ¹³ О терминологических сложностях перевода религиозной литературы пишет, к примеру, Е. Ф. Шумилов: «Удмуртский словарный запас не давал миссионерам и иным просветителям возможности найти адекватные обозначения таких понятий, как «святой, святыня, вера, рай, дух, закон, государство, чуд». <...> «Очень мало понятий для обозначения феноменов нравственности» [16. С. 78].
- ¹⁴ Сохранены орфография и пунктуация первоисточника.
- ¹⁵ С.В. Смоленский пишет: «Для вотяков партитуры сделано не было, так как тексты почему-то изготавливались на вотяцком языке крайне медленно» [17. С. 180].

- ¹⁶ Именно так характеризует С. В. Смоленского А. Л. Маклыгин [10].
- ¹⁷ В частности, в отчёте Православного миссионерского общества за 1908 год в числе «вотских» изданий, подготовленных к печати, упоминаются «Партитура» и «Песнопения всенощного бдения и литургии на наречии глазовских вотяков» [1. С. 100].
- ¹⁸ В дореволюционных источниках можно найти немало свидетельств о церковном пении удмуртов. К примеру, Н. Г. Первухин пишет: «Благодаря школе, распространяющей знание церковных молитв и их мотивов, на наших глазах вошло у вотяков в обыкновение петь на посиделках, свадьбах и т. п., даже песни церковныя (Отче наш... Богородице Дево радуйся... Спаси, Господи... и т. д.)» [12. С. 38].

Список литературы

References

1. Всероссийское православное миссионерское общество в 1908 году [отчёт]. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1909. — 103 с. [Vserossijskoe pravoslavnoe missionerskoe obshhestvo v 1908 godu [otchet]. — М.: Pechatnja A. I. Snegirevoj, 1909. — 103 s.]
2. Гумерова А. Т. Духовно-певческая практика кряшен. — Казань: Казан. гос. консерватория, 2015. — 260 с. [Gumerova A. T. Duhovno-pevcheskaja praktika krjashen. — Kazan': Kazan. gos. konservatorija, 2015. — 260 s.]
3. Гумерова А. Т. О роли церковного пения в миссионерских учебных заведениях Среднего Поволжья (вторая половина XIX — начало XX века). — Музыковедение. — 2018. — № 6. — С. 28–35 [Gumerova A. T. O roli cerkovnogo penija v missionerskih uchebnyh zavedenijah Srednego Povolzh'ja (vtoraja polovina XIX nachalo XX veka). — Muzykovedenie. — 2018. — № 6. — S. 28–35].
4. Гумерова А. Т. Песнопение «Трисвятое» в народно-исполнительской среде татар-кряшен // Музыковедение. — 2017. — № 2. — С. 43–50 [Gumerova A. T. Pesnopenie «Trisvjatое» v narodno-ispolnitel'skoj srede tatar-krjashen // Muzykovedenie. — 2017. — № 2. — S. 43–50].
5. Ильминский Н. И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практические замечания Н. Ильминского. — Казань: Унив. тип., 1875. — 47 с. [Il'minskij N. I. O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie jazyki: Prakticheskie zamechanija N. Il'minskogo. — Kazan': Univ. tip., 1875. — 47 s.]
6. Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для начальных народных училищ. — Казань: Елабужск. земск. управа, 1886. — 144 с. [Islent'ev V. A. Bukvar' i pervaja uchebnaja knizhka dlja nachal'nyh narodnyh uchilishh. — Kazan': Elabuzhsk. zemsk. uprava, 1886. — 144 s.]
7. Камитова А. В. Переводная литература христианского просвещения на удмуртском языке XIX — начала XX в.: история развития, жанровое своеобразие и пере-

- водческие стратегии. — Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2017. — 216 с. [Kamitova A. V. Perevodnaja literatura hristianskogo prosveshhenija na udmurtskom jazyke 19 — nachala 20 v.: istorija razvitija, zhanrovoe svoeobrazie i perevodcheskie strategii. — Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, jaz. i lit. UrO RAN, 2017. — 216 s.].
8. Колчерин А. С. Ильминский Н. И. (1822–1891) — педагогическая деятельность и миссионерское служение в Поволжье // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2013. — Вып. 4 (53). — С. 83–89 [Kolcherin A. S. Il'minskij N. I. (1822–1891) — pedagogičeskaja dejatel'nost' i missionerskoe sluzhenie v Povolzh'e // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. — 2013. — Vyp. 4 (53). — S. 83–89].
 9. Маклыгин А. Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма. — Казань: Казан. гос. консерватория, 2000. — 311 с. [Maklygin A. L. Muzykal'nye kul'tury Srednego Povolzh'ja: Stanovlenie professionalizma. — Kazan': Kazan. gos. konservatorija, 2000. — 311 s.].
 10. Маклыгин А. Л. С. В. Смоленский — музыкальный миссионер // Вестник СПбГУ. — Сер. 15. — 2012. — Вып. 1. — С. 249–254 [Maklygin A. L. S. V. Smolenskij — muzykal'nyj missioner // Vestnik SPbGU. — Ser. 15. — 2012. — Vyp. 1. — S. 249–254].
 11. Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования. Дис. ... д-ра иск. — Ижевск, 2014. — 415 с. [Nurieva I. M. Udmurtskaja muzykal'no-pesennaja tradicija: specifiķa zhanroobrazovanija i funkcionirovanija. Dis. ... d-ra isk. — Izhevsk, 2014. — 415 s.].
 12. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда / Сост. Н. Первухин. Эскиз 1-5. — Вятка: Губ. тип., 1888. — 82 с. Эскиз 3. [Pervuhin N. G. Jeskizy predanij i byta inorodcev Glazovskogo uezda / Sost. N. Pervuhin. Jeskiz 1–5. — Vjatka: Gub. tip., 1888. — 82 s. Jeskiz 3.].
 13. Программа школы для крещёных инородцев Н. И. Ильминского // Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. — СПб.: Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1905. — С. 354–361 [Programma shkoly dlja kreshhenyh inorodcev N. I. Il'minskogo // Trudy Osobogo soveshhanija po voprosam obrazovanija vostochnyh inorodcev. — SPb.: Tipografija Je. L. Porohovshhikovoĵ, 1905. — S. 354–361].
 14. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. Смоленский С. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 688 с. [Russkaja duhovnaja muzyka v dokumentah i materialah. T. IV. Smolenskij S. Vospominanija: Kazan', Moskva, Peterburg. — M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. — 688 s.].
 15. Смоленский С. В. Курс хорового церковного пения, составленный для преподавания в Казанской учительской семинарии С. В. Смоленским: [Ч. 1–2]. — Казань: Лит. А. Тимофеева, 1885. — 142, 291 с. [Smolenskij S. V. Kurs horovogo cerkovnogo penija, sostavlennyj dlja prepodavanija v Kazanskoj uchitel'skoj seminarii S. V. Smolenskim: [Ch. 1–2]. — Kazan': Lit. A. Timofeeva, 1885. — 142, 291 s.].
 16. Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство XVI — начала XX в. — Ижевск: Удмурт. ун-т, 2001. — 434 с. [Shumilov E. F. Hristianstvo v Udmurtii. Civilizacionnye processy i hristianskoe iskusstvo XVI — nachala XX v. — Izhevsk: Udmurt. un-t, 2001. — 434 s.].